

"Брат, столько лет сопутствовавший мне..."
Фёдор Тютчев

ЭТО КАК РАЗ ТОТ СЛУЧАЙ, когда рядовой зритель хорошо знает и помнит работы, но затрудняется назвать автора. Видели, отмечали, но — кто? Братья Сергей и Алексей Ткачёвы известны и... неизвестны. Их картины публиковались в советской прессе, нравились, но по какой-то причине имя, точнее, имена, ускользали. В детстве меня заворожили их "Дочери" (1975) — репродукция, вырезанная из журнала кем-то из подруг. Роскошная невеста в белом платье и длинной фате стоит спиной к зрителю, а рядом — женщина в красном. В этом прослеживалось нечто мистическое, древнеславянское, хотя то была нормальная колхозная бытность середины 1970-х. Фамилию мастеров я узнала позже.

Есть смысл и желание восполнить пробел, а заодно увидеть ранние вещи и мало экспонировавшиеся эпизоды? Бегом в Третьяковку! В здании Галереи на Крымском Валу сейчас проходит небольшая выставка, приуроченная к столетию Сергея Ткачёва (1922–2022). Впрочем, его младший брат Алексей, родившийся в 1925 году, тоже приближается к этому эффектному рубежу. Изумляющие, непостижимые даты, говорящие о том, что человек — это "чело" и "бек", разум, живущий сто лет. Несмотря на то, что проект обращён к Сергею, здесь показаны и картины брата, и коллективные труды. Созидательный тандем, просуществовавший семьдесят лет, пожалуй, единственный пример в отечественной истории живописи. У каждого из Ткачёвых своя линия судьбы, но эти линии постоянно переплетались, создавая редкостный узор.

Ткачёвы — крестьянского рода-племени; появились на свет в деревне Чучуновка Брянской области. Несмотря на то, что их формирование происходило уже в городской среде, главной темой впоследствии станет русское крестьянство и сельский быт — это совпало с появлением в 1960-х годах "деревенской прозы". Но до этого было ещё далеко, предстояли долгие шутки.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ТАНДЕМ

Братья Ткачёвы в Новой Третьяковке

Итак, в Бежецком доме пионеров был ИЗО-кружок, где ребята учились рисовать и постигали гармонию. Уже тогда самородки восторгали, получая награды и поощрения. Затем пути разошлись, а там и война — старший брат ушёл на фронт, а младший не успел по возрасту.

Сергей отмечал: "На фронте не расставался с альбомчиком. Приходилось оформлять боевые листки, рисовать с натуры солдат. Мои рисуночки, сложенные в треугольник, они посылали полевой почте родным. Живые рисунки, выполненные на случайных обрывках бумаги, никогда не заменял и самые талантливые фоторепортажи, потому что на них художник оставил частицу своего сердца". Эта и прочие цитаты взяты на сайте Музея братьев Ткачёвых в Брянске.

Сразу после войны — Московский художественный институт, что в 1948 году получил имя Василия Сурикова. В той Суриковке давали крепкие знания, основанные на передвижнической традиции. Отсюда — правда бытия, которую Ткачёвы считали главной в своём искусстве. Эталоном виделся Илья Епгин — его советский агитпроп называл художником № 1 — и в технике, и в осмыслении реальности. Алексей Ткачёв скажет: "Зрелость художника начинается с умения видеть жизнь, постигать её действительные проблемы, с сознания того, что он хочет, должен и может сказать людям. ...Всё это, в конечном счёте, проблемы мастерства, а оно заключается смелостью". Среди менторов были гении: Сергей Герасимов, Игорь Грабарь, Георгий Ряжский, Сергей Конёнков.

ЭКОПОЗИЦИЯ ПОСВЯЩЕНА тому периоду, когда братья-художники только принараивались друг к другу, вырабатывая общий почерк, а это, судя по всему, не было простым делом. Алексей — лиричнее, Сергей — жёстче. Для контраста явлены две картины одного периода — "Вечер на Каспии" (1947) Алексея и "Одинокий рыбак" (1947) Сергея. "Каспийский вечер" — это изысканные оттенки серого и лунно-голубого, висящая в южном небе оранжево-белым шаром. В домике — ровно такой же мягкий свет в окне. Тишина, благодать, всё внемлет

Богу. "Рыбак" же брутален и недоверчив — он смотрит на художника и на зрителя так, словно устал и хочет покоя. Смекаешь — этот "волик" немногословен и крут, но уважительно-вежлив по отношению к молодому живописцу. В СССР было принято писать людей труда, и необязательно орденоносцев да стахановцев!

Или, допустим, "Почтальон Тамара" (1955) Сергея Ткачёва: румяное, простое лицо девушки обрамлено светло-жёлтым платком с бахромой. Этот жёлтый цвет даёт некоторую тревожность, хотя почтальонша выглядит спокойно-весёлой. У Алексея почерк более плавный, у Сергея — порывистый и чуть грубоватый.

Объединяясь, Ткачёвы делали неповторимые мазки. В центре — масштабное полотно "Между боями" (1958–1960), где отразилась величавая и страшная эпоха. В основу сюжета легли рассказы Петра Афанасьевича Ткачёва, отца художников, о курсах ликвидации неграмотности в клубе села Овстуг Брянской области, которым он заведовал. В эпоху оттепели возникла потребность в мифологизации Гражданской войны как некоей очистительной битвы сил добра и зла. По факту — чудовищный братоубийственный конфликт, но обществу свойственно романтизировать прошлое, особенно революционное, огневое, мощное.

Вот красноречивый. Они в перерывах между сражениями учатся грамоте и постигают книжные истины. Чтобы донести до нас эту фабулу, Ткачёвы создали массу этюдов, также представленных в экспозиции. Братья искали композиционную точку сборки, лица, типы, освещение. Видно скупленное дерзание, а если включить фантазию, то "слышатся" даже споры.

Тут покосившие и побитые ветрами люди в шинелях сидят за гимназической партой и старательно выводят слова. Их товарищ со слегка обалдевшим видом читает книгу — великолепно передано лицо человека, недавно обучившегося складывать буквы. Для него это — волшебство, магия. Поодаль, видимо, часовой, он выглядывает из окна, ибо в любую секунду может начаться крошечный ад перестрелки.

В центре тонкая девушка в чёрном. У неё есть прототип — это учительница, вчерашняя гимназистка Антонина Васильева. Хрупкая неженка, уж закалившаяся среди пламени времён, мечтательно смотрит куда-то в сторону. Большинство интеллектуалов Серебряного века принимали революцию как дорогу в будущее и звали к тотальному обновлению вселенной. Кто-то выдержал, а кого-то спалили в том благородно-жестоким пламени. Интересно световое решение: оно символично. Плещущие солдаты композиционно повернуты к источнику света. Образование — вот главный приоритет советского мировоззрения. Ликбез как начало начал.

В этой связи по-особенному раскрывается суть ткачёвских автопортретов, написанных уже в 1960-е годы. На них изображены каноничные интеллектуалы, чем-то напоминающие и ядрщика Гусева из "Десяти дней одного года", и гайдаевского Шурика, и ту многочисленную плеяду физиков-лириков, что получила название "шестидесятников". Практически вся интеллигенция была от сохи, как Ткачёвы. Образец, подтверждающий, что эволюция коллективных "мозгов" при благоприятных условиях идёт весьма быстро. Братья смотрят не друг на друга и не в пространство, а вглубь себя. Такая погружённость оказалась свойственна шестидесятникам — то мыслительная парадигма целого поколения.

КСОЖАЛЕНИЮ, выставка невелика. Под неё отдан крохотный залышек № 27, и можно увидеть всего несколько работ, а внимание привлекается к вышеназванному холсту "Между боями", непременно, сильному, но не единственному в огромном послужном списке художников. Если уж отмечать столетие, то ожидаема крупная экспозиция, а не пара штрихов на тему. К слову, "Матери" (1960–1961) — ещё одна из значительных и узнаваемых вещей — расположена вообще в другом зале Третьяковки.

Тем не менее даже такой скудноватый проект заслуживает похвалы. Сейчас переосмысливается наследие соцреализма, что был не дгомой, но уникальнейшим методом, где воедино сплетались разные стили. Братья Ткачёвы работали на стыке нескольких направлений: от оугубого репинского реализма до модного в СССР импрессионизма. Смеем надеяться, что столетие Ткачёва-младшего наша Третьяковка отметит более пышно, и там будут и "Матери", и "Дочери", и солнечная "Детвора", которую нередко ставят в качестве иллюстрации к статьям о радостном советском детстве.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: Матери. Художники Сергей и Алексей Ткачёвы. Начало 1960-х гг.

Клара КАДИНСКАЯ. Это имя возвращает к временам, когда снег был белым, зелень — зелёнее, а Государственный академический Большой театр СССР представлял собой "ворота страны", ибо визиты глав иностранных государств начинались с посещения театра.

Клара Кадинская — солистка оперы Большого театра, обладательница лирико-колоратурного, воздушного сопрано. Обращаясь к записям певицы, прослушивая арии Шемаханской царицы из оперы Римского-Корсакова "Золотой петухок", Джильды из "Риголетто" Верди или каватину Антониды из оперы Глинки "Иван Сусанин", не перестаёшь удивляться её и культуре вокала, внутреннему, не на показ, достоинству. Думаю, это важно. Важно особенно — сегодня, когда само слово "культура", как "дверь" для фонвизинского Митрофанушки, стало именем прилагательным, когда маяки высокого искусства погасли, а на жаргоне подворотно говорят в средствах массовой информации.

Клара Кадинская — заслуженная артистка РСФСР, профессор кафедры сольного пения Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского. И в 92 года продолжает сохранять стать легенды русской оперы.

"ЗАВТРА". Клара Григорьевна, признанность, первое впечатление от встречи с вами — ошеломление. Вероятно, вопрос, часто задаваемый вам, и, тем не менее: что помогает держать превосходную форму, творческое долголетие?

Клара КАДИНСКАЯ. Работа со студентами, наверное. Я продолжала преподавать в Московской консерватории, занятия со студентами не могут не ободрять, не вселять самых приятных эмоций, я просто обязана "быть в форме".

"ЗАВТРА". Проблема "отцов и детей" не мещает?

Клара КАДИНСКАЯ. Вы знаете, не мешает. Конечно, сегодня студенты более самостоятельные. Если раньше Мария Моисеевна Мирзоева — мой педагог, наставник — водила меня за ручку, то сейчас студенты сами во всём разбираются, сами разбираются во взрослой, самостоятельной жизни. И это хорошо. Но вот такого рвеня к профессии, горения, какое у нас было, такого нет. Другое время, практичное.

"ЗАВТРА". Голос — хрупкий инструмент. Каково требование к педагогу вы называли бы главным?

Клара КАДИНСКАЯ. Слух. Важен слух — ухо педагога.

"ЗАВТРА". Вы упомянули имя Марии Моисеевны Мирзоевой, хотелось бы поподробнее узнать о вашем педагоге.

Клара КАДИНСКАЯ. Мария Моисеевна Мирзоева... вы знаете, нет дня, чтобы я не вспомнила её, не рассказала о ней своим ученикам. Мария Моисеевна Мирзоева — это моё всё. Профессор консерватории, у которой я училась сначала в Музыкальном училище при Консерватории, потом в Консерватории. "Из меня что-нибудь получится?" — спросила Марию Моисеевну после прослушивания. Она посмотрела на меня: "будем заниматься!". Это годы моей дальнейшей оперной карьеры я продолжала консультироваться у Марии Моисеевны по самым различным вопросам.

"ЗАВТРА". В чём уникальность педагога?

Клара КАДИНСКАЯ. Во-первых, Мария Моисеевна — талантливейший музыкальный деятель, профессионал высшего класса! Она была блестящей пианисткой, с тринадцати лет уже давала сольные фортепианные концерты. Училась вокалу у таких педагогов как Умберто Мазетти, Софья Григорьевна Рубинштейн — сестра великих братьев, Тамара Михайловна Зарубина — жена композитора Ипполитова-Иванова... То есть Мария Моисеевна — это ярчайший представитель русской певческой школы, что основана на итальянском бельканто плюс русской выразительности, русской эмоциональности, genialностью которой воплотилась в Фёдоре Ивановиче Шаляпине.

"ЗАВТРА". Важна ещё преемственность культуры. "Старая профессура" щедро одаривала своих учеников знаниями в самых различных областях культуры и искусства.

ШЕДЕВРЫ ОПЕРЫ

В гостях у «ЗАВТРА» оперная певица Клара КАДИНСКАЯ

Клара КАДИНСКАЯ. Скажу ещё, что Мария Моисеевна родилась в Тбилиси, по линии матери — из титулованной аристократической семьи, и это чувствовалось в её манере говорить, держать себя... Мария Моисеевна прожила тяжёлую жизнь, её родители рано умерли, родной брат — ученый-генетик, работал в Академии наук вместе с Николаем Вавиловым — вместе с Вавиловым был репрессирован. Погиб в лагере, в Караганде. И Мария Моисеевна взяла на себя обязанность воспитывать двух его детей, своих племянников. Жена брата и двое его детей жили с Марией Моисеевной, своей семье у неё не было. Выращивала племянников, дала им высшее образование... Да, непростая жизнь. Но как она любила Россию! Её природу, живопись, музыку, литературу. По её совету я впервые прочитала романы Мельникова-Печерского "В лесах", "На горах"... Она была просто патриотом России. И, конечно, это большое счастье — встретиться с таким человеком — душевным, образованным, значительным. Вообще, та профессура консерватории — интеллигентнейшие были, добрейшие люди.

"ЗАВТРА". Замечательно, что есть такая светлая память, что мы вспомнили сейчас Марию Моисеевну Мирзоеву... Клара Григорьевна, с чем было связано ваше решение стать оперной певицей?

Клара КАДИНСКАЯ. Вы знаете, не было такого решения. Я выросла в Сибири, родители профессионально музыкой не занимались. При этом у мамы был замечательный голос, очень хорошее сопрано, а у моей тётки, сестры мамы, — контральто. Мы жили тогда в Улан-Удэ, Верхнеудинске — они пели в церкви, в городском собрании, причём классические дуэты. Мой отец знал ноты, играл на скрипке, с коллегами помню мелодии Дворжака "Славянские танцы", "Венгерские танцы" Брамса... И вот после 10 класса я приехала в Москву. Походила по музыкальным учебным заведениям и нигде не пробовалась. Я испугалась, я себе не доверяла. Была очень робкая, неуверенная, стеснительная, замкнутая, конечно, до предела. Совершенно случайно в Гороховском переулке увидела Институт геодезии и картографии, а там объявление: без экзаменов, но с хорошим аттестатом, принимают в Аэрофотосъёмное училище. Поступила. И стала посещать вечерние курсы общего музыкального образования, которые существовали тогда при Музыкальной школе на Самотёхе. Курсы были платные. Но меня от платы скоро освободили, с моим первым педагогом Ольгой Степановной Южак прозанимались года полтора. По её совету поступила в Музыкальное училище при Консерватории, по окончании которого получила приглашение в Минский театр оперы и балета, но мне хотелось получить высшее образование.

"ЗАВТРА". Мечтали о Большом театре?

Клара КАДИНСКАЯ. Нет, что вы! О Большом и не думала, театр представлялся мне чем-то недостижимым, населённым не людьми, а небожителями. Три года, с 1962 по 1964-й, я работала в вокальной группе Гостелерадио, была солисткой Всесоюзного радио и Центральной телевидения.

"ЗАВТРА". Интересно ваше мнение о вокальной группе Гостелерадио.

Клара КАДИНСКАЯ. Это был замечательный коллектив, какие голоса прекрасные были! Надежда Канзачева (сопрано), Галина Сахарова (сопрано), Нина Поставничева (меццо-сопрано), Зара Долуханова (меццо-сопрано), Денис Королёв и Владимир Нецаев (тенора), Владимир Бунчиков (баритон)... Мы много работали тогда: передачи шли каждый боковой день, делали записи, выступали в концертах... Самый разный репертуар: сегодня ты поёшь арию из оперы, завтра — народные песни, песензавтра — советские песни или романсы. И ещё записывали оперы в концертном исполнении, иногда с небольшими режиссёрскими атрибутами. Геннадий Николаевич Рождественский осуществлял постановку оперы "Дитя и волшебство" Равеля, потом на пластинку записали оперу Карла Орфа "Умница"... На радио я спела две

оперы Вано Мурадели "Октябрь" и "Великую дружбу" или "Чрезвычайный комиссар", которыми дирижировал Евгений Фёдорович Светланов.

"ЗАВТРА". Какими судьбами оказались в Большом?

Клара КАДИНСКАЯ. Как это часто бывает — случайно. В театре нужна была срочная замена: в день спектакля "Царская невеста" артистка — исполнительница партии Марфы — заболела. Обратились в Оперную студию Московской консерватории, где я эту партию пела, из Студии перенаправили в Гостелерадио... Партию Марфы я знала наизусть, со мной её подготовил замечательный режиссёр Пётр Саввич Саратовский, изумительный был человек. Так подготовил, что могла выйти без репетиции, знала все мизансцены. Спектакль прошёл удачно. Мне сказали: "будет конкурс вокалистов, спектакль мы вам засчитываем за два тура, придёте, споёте третий тур, с оркестром"... Я подготовила для конкурса арию Виолетты... стою в кулисах, сердце стучит, надо вперёд идти, а ноги назад несут. Мне говорят: встаньте вглубь сцены. Ну, — думаю, — зарубят. Встала. И вдруг голос так ровный, так спокойно зазвучал. Нигде не дрогнул. Ближе к осени, к началу нового сезона, решила: в театре обо мне уже и не вспомнят. И как-то в гостях у Марии Моисеевны Мирзоевой её племянница говорит мне: "Звони в канцелярию Узнавай!" Да мне и так хорошо, я на радио работаю, солистка, — отвечаю. "Позвони для интереса хотя бы". Набрала номер телефона и робко так произносила: "я — Кадинская". "Первое сентября сбор труппы! Приходите!"

"ЗАВТРА". Судьбы решенье. Каким был Большой театр в шестидесятые годы?

Клара КАДИНСКАЯ. Это была пора расцвета Большого театра. Что не солист, то — великое имя! Звезда! Сейчас у нас какие звёзды? Острада, попка — короли и звёзды. А тогда... совсем немного, но в театре ещё пели Сергей Яковлевич Лемешев и Иван Семёнович Козловский... а каким басом был Кривичев! Что-то потрясало! Великий баритон Алексей Петрович Иванов, с ним "Риголетто" пела. Потом — более молодое поколение: Образцова, Архипова, Синявская, Борисова, Никитина, Кибкало, Мазурок, Атлантов, Пьякова... И целая плеяда выдающихся дирижёров. Марк Фридрихович Эрмлер, вы знаете, насколько легко с ним было петь. Просто оркестр нёс певца на крыльях! Борис Эммануилович Хайкин, Евгений Фёдорович Светланов, Геннадий Рождественский... в театре работал режиссёр редкого таланта Борис Александрович Покровский, в постановке которого каждый спектакль становился событием. Он настолько был предан своему делу — на репетиции был как полководец на поле боя! Это были всё такие имена, рядом с которыми не знаю, кого и называть сегодня. Таких нет сейчас.

"ЗАВТРА". Почему, как вы думаете?

Клара КАДИНСКАЯ. Думаю, потому что тогда была очень хорошая советская школа. Музыкальная в том числе. Образование было замечательное. Ну и плюс талант, конечно. Работоспособность.

"ЗАВТРА". Театр есть театр, были и зависть, и интриги...

Клара КАДИНСКАЯ. Конечно, были. Но не они были главными. Главное — в театре был коллектив. Труппа была. И каждый спектакль выходил как плод коллективного, именно коллективного, труда.

"ЗАВТРА". Ваши запоминающиеся спектакли, роли?

Клара КАДИНСКАЯ. Я любила все свои роли, все спектакли для моего голоса. Все партии высокого сопрано (лирико-колоратурные) я спела в Большом театре. Это — Марфа, Антониды, Людмила, Виолетта, Джильда, Розина, Сюзанна...

"ЗАВТРА". Как принимали оперные спектакли Большого театра за рубежом?

Клара КАДИНСКАЯ. В 1973 году Большой театр давал гастроли в Ла Скала. Я пела Людмилу в "Руслане и Людмиле" Глинки, и приём русской оперы был замечательный. В 1975-м привезли в США советскую оперу "Зори здесь тихие..." Кирилла Молчанова, я пела партию Сони Гурвич. Казалось бы, современный спектакль, тема военная... боялись, что не поймут. И вы знаете, прекрасно слушали, с большим вниманием. Но и мы — Галина Калинина, Галина Борисова, Ольга Териюшнова — пели на таком душевном подъёме, настолько искренне все играли... Зал принял спектакль восторженно.

"ЗАВТРА". Легко выходили на сцену или волнение охватывало?

Клара КАДИНСКАЯ. Трепетала... ну, если даже Володя Атлантов говорил, что перед выходом у него делались "ватные ноги". Помню, в "Севильском цирюльнике" пела Розину. И вот выхожу на каватину, на мне лёгкое розовое платьице с оборкой чуть ниже колена... Начинаю читать письмо графу Альмавива, а у меня ного дрожит, оборка платья дергается, лист в руке трясётся... Такие моменты были.

"ЗАВТРА". Спектакли, в которых вы пели, узнаёте в современных постановках?

Клара КАДИНСКАЯ. Душа не принимает. Думаю... многие из них от лукавого. Вы знаете, в Большом театре был такой хор, что его вызывали на бис! Уникальный случай. А режиссёр Равенских при постановке "Снегурочки" Римского-Корсакова говорил: "Зачем здесь хор? Не надо!" Режиссёр Любимов в постановке "Князя Игоря" Бородину выкинул из оперы арию Кончака. Популярнейшую арию! Тоже сказал: "Не надо"... Вы знаете, мне просто обидно за великих композиторов: Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Бородину. Всё-таки Большой театр должен быть музеем, сохранять такие шедевры. Но как можно показывать сегодня прошлую эпоху, прошлые века, не сопровождая в постановке соответствующими декорациями и костюмом? Ведь классический репертуар — это ещё и образование публики, эстетическое воспитание.

"ЗАВТРА". Целое поколение не представляет даже постановки опер, которые стали эталонными для театра. Ко второй половине 80-х, когда вы ушли из театра, ощущалось приближение грозы, смены в художественной политике театра?

Клара КАДИНСКАЯ. Что-то назревало... Начинались административные перемены. Не самые хорошие.

"ЗАВТРА". Клара Григорьевна, оглядываясь назад, какое событие произвело на вас самое сильное впечатление?

Клара КАДИНСКАЯ. Война... Когда началась война, мы, дети, ещё ничего не понимали. Мальчишки бежали во дворе, кричали: "Внимание! Внимание! На нас пошла Германия, французы не при чём, де-русся кирпичом!"... Два моих брата воевали. Один брат — на Западном фронте, был ранен, но, слава Богу, вернулся; старший — в пограничных войсках на Востоке служил. А мы с мамой слушали сводки Информбюро... помню ужас, когда в газетах появился снимок похвешенной Зои Космодемьянской, с отрезанной грудью... Потом — Победа! На тот момент мы жили в городке Свободном, что в Амурской области. Город в котловане, а вокруг сопки. И весной, в мае, как раз багуньки цветёт. Сопки сиреневые все! И вот мы сидим на уроке, уроте, мальчишка вбегает: "Эй, вы тут сидите, а там, на улице, Победа!" И нас как ветром сдуло из класса! Мы, девочки, на сопки побежали, набрали охапки багунькика... а перед зданием Управления Амурской железной дороги был памятник — статуя Сталина, и мы его багуньками завалили. Такая радость была!.. А летом, на каникулах, нам устроили поездку в Сталинград. Управление Амурской железной дороги опекало нашу школу № 52 и предоставило для нас — детей и наших педагогов — отдельный вагон. И мы поехали через всю страну!.. Подъезжая уже к Сталинграду, видели, как пленные немцы сплавляли брёвна по Волге, мы им языки показывали; запомнила огороды, они были огорожены спичками от кроватей; руины страшные, груды кирпичей... и стояла будка из железа, пробитая, ржавая вся, на ней мелом было написано: "Улица Ленина, дом № 1"... Эта поездка, конечно, незабываемая.

"ЗАВТРА". Клара Григорьевна, спасибо за беседу!

Беседовала Марина АЛЕКСИНСКАЯ

БУШИН

Рыцарь рубиновых звёзд

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

НАРОД СТРАНЫ, его достижения, потенциал, его свершения — это общее богатство. Сергей Павлович Королёв делает тебя причастным к первопроездству Космоса одним фактом твоего рождения в самой прекрасной стране мира на все времена — Советском Союзе. С Чайковским ты делишь славу русской музыки, даже не обладая элементарным слухом. Это твой композитор, твоя музыка. Все творческие успехи твоих сограждан в любой момент истории принадлежат и тебе, ты приобщён к их величию.

А если тебе довелось быть современником творческого гения, а уж если и быть знакомым...

Достоинием каждого гражданина нашей великой Родины является Владимир Сергеевич Бушин. Поэт, литературный критик, писатель и гениальный публицист. Непревзойдённый, неповторимый. Можно гордиться, можно брать пример, но не добывать. Его величины не достичь, его высоты не взять. И мир в определённом смысле делится на два лагеря: Бушин и все остальные. И ты — в этом восхищённом большинстве.

Владимир Сергеевич был талантливым, а во времена, которых "не было подлей", он стал гениальным.

Он родился 24 января 1924 года в подмосковном селе Глухово. А свою литературную судьбу начал на фронте как поэт, и первой публикацией были его стихи в армейской газете "Разгромим врага". Защищать Родину (а это он делал до конца дней на всех фронтах) ушёл в 1942 году, по достижении 18 лет. Когда война началась, он хотел с первых дней пойти добровольцем, но его не взяли из-за возраста. Демобилизовался в 1946-м. В 1944 году вступил в ВКП(б) и до конца жизни оставался коммунистом.

Очень гордился тем, что, послав во фронтную газету стихи, был заподозрен в плагиате! Стало быть, так хорошо написал, что не поверили! тому, что пишет простой солдат. Получил от главного редактора, капитана Сергея Швецова, в будущем главного редактора "Крокодила", с которым и после войны дружил, ответ, мол, что-то сомневаемся, товарищ Бушин, в вашем авторстве, не могли бы вы прислать ещё стихи, чтобы нам убедиться. Вспоминал, с каким удивлением получил гонорар. И купил на него ведро молока, которым угощал сослуживцев.

После войны поступил в Литературный институт имени Горького, который окончил в 1951 году, был секретарём комитета ВЛКСМ вуза. Затем экстерном окончил Московский юридический институт.

ЧТО ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА уникальным в той или иной сфере, как Бушина — в публицистике? Безусловно, воспитание, образование, судьба, дарование. Но что-то ещё неразгаданное. Тайна сия... В Бушине сочетались дотошность, точность, педантичность, осторожность и предусмотрительность юриста и надривность, романтизм, бесшабашность, страстность поэта.

Некоторые строят судьбу, как это делал Солженицын, о котором много писал Бушин, разоблачая. А кто-то яростно, горячо живёт и становится судьбой множества людей, как стал Бушин для тех, кто был верен своей Родине — СССР, кто не предал и не продал идеалы.

Он был смел, страстен, не думал о последствиях своих статей, за что был буквально изгнан из редакций, о чём вспоминал на юбилейном вечере в честь своего 90-летия, сказав, что его отослуду "вышибали". То несленно отказался от творчества Ожуджавы, после чего много лет Бушина вообще не печатали, и семья жила заработками супруги Татьяны да внутренними рецензиями на те или другие работы, которые претенденты на публикации посылали в издательство, то дал неправильную рецензию на литературного шизика, мянющего себя великим писателем. А не вышибали его только два редактора — Проханов и Мухин.

Он — тот алмаз, что сам себя огранил до блистательного бриллианта, оттачивая грани сражениями на войне, сражениями в мирной жизни, самообразованием и самовоспитанием.

Был верным, преданным товарищем, до конца жизни поддерживая дружбу с однопольчанином. Не будучи рыльным богомольцем, он исповедовал христианский принцип святителя Филарета Московского: "Личных врагов — прощайте, врагов Отечества — сокрушайте, врагами Божиими — гнушайтесь!"

И он сокрушал врагов отечества и штыком, и пером. Не был этаким отмельчаком, нападающим на почивших, как это делают иные. Он бил по сильному миру сего, не думая, как бы чего не вышло.

Очень живо интересовался политикой, экономикой, культурой, спортом, не пропускал ни одного важного события ни в мире, ни в стране — отзывался статьями такой высоты исполнения, которую никто и поньше не взял.

Сергей Михалков написал про него:

Попал Бушину на суд —
адвокаты не спастут.

Благодарством людей восхищался, отдавая дань. По подлости — был, разоблачал. Показывал истинное лицо мерзавцев, предателей и дезертиров. Тогда они предали СССР, дезертировали из советского прошлого: литературы, культуры, образования. Сейчас эти же нелюди предали Россию.

Чествуя Владимира Сергеевича в день его 90-летия, Александр Проханов, в частности, сказал: "Величие Бушина — в его одиночестве. Он стоит там, где должны быть сотни армии, где должен был стоять могучий Комитет государственной безопасности, где должна была греметь и громыхать великая коммунистическая партия, где должны были стоять вития нашей советской культуры. Все те, кто многие годы учил нас сопротивляться, отстаивать, сражаться. А когда подул "чудесный" ветер 1991 года, все разбежалось. И остался один Бушин. Он стоит там, где когда-то у Маяковского стоял пост номер один, и мы видели и слышали, когда во время звона серебряных курантов эти великопленные, похожие на летающих птиц, солдаты со сверкающими штыками сменяли друг друга и стояли на этом посту. Их смыло ветром. Их место занял Бушин.

Бушин все эти годы стоит, как страж, он стоит, как хранитель огня — охраняет красную рубиновую звезду. Звезду, на которую летят тысячи чёрных страшных птиц с разнузданными клювами, норовят выклевать, разбить, выхватить её из нашего русского неба. Бушин сбивает их ракетами, сбивает их камнями, сбивает их своим взглядом-лазером, и они обугленные падают на землю.

Где Бушин, что в свои 90 лет — сражающийся солдат: берёт энергию? Энергией его питают миллионы погибших, которые лежат в земле и летают от того, что творится с нашей Родиной. Энергию он черпает в великой советской культуре: у Маяковского, Шолохова, Фадеева, — в культуре, которую оскверняют и толпчат сегодняшние культуригеры. Эту энергию он черпает у великих инженеров, построивших изумительные машины, плотины, космические корабли. Эту энергию он черпает у Сталина, который из глубины времён смотрит на нас своими строгими очами и спрашивает: "Ну где же вы, сыны Отечества?"

Бушинское слово, как пламя, — это грозное, пропалывающее в небесах слово сотворяет новые миры, оно разрушает мерзкие шалаши, в которых ютятся на нашей земле пришельцы".

Бушин — нестигаемый солдат "Бессмертного полка".

Екатерина ГЛУШИК